Серегина С. А. Лирика Н. А. Клюева : диалог философии и поэзии / С. А. Серегина // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 117—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-117-126.

Seryogina, S. A. (2017). N. A. Klyuev's Lyrics: Dialog between Philosophy and Poetry. *Nauchnyy dialog, 9:* 117-126. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-117-126. (In Russ.).

ERIH PLUS НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Клюев.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-117-126

Лирика Н. А. Клюева: диалог философии и поэзии[1]

© Серегина Светлана Андреевна (2017), orcid.org/0000-0002-1695-5464, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы Российской академии наук — РАН (Москва, Россия), serjogina@mail.ru.

В статье рассматриваются два основных вопроса: философский контекст лирики Н. А. Клюева (идея активного христианства Н. Ф. Федорова и идея всеединства Вл. С. Соловьева), а также основные понятие религиозной философии самого Клюева. В качестве материала для исследования были выбраны стихотворения из двух сборников: «Сосен перезвон» (1912 г.) и «Лесные были» (1913 г.). Анализируется центральный миф в художественном сознании Клюева 1910-х годов. Доказано, что в центре этого мифа — осмысление поэтом себя как соработника Бога, чье творчество — это внутренняя духовная работа, окрашенная апокалиптическими предчувствиями наступления новой истории. Особое внимание уделяется тому, как Клюев переосмысливает и пытается творчески преодолеть традиционные философские категории времени, пространства, смерти. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые предпринята попытка прочитать поэзию Клюева сквозь призму философии всеединства Вл. С. Соловьева. Сделан вывод о том, что образы природы в лирике Клюева несут на себе отпечаток соловьевской идеи всеединства как «замкнутого и совершенного "всего"».

Ключевые слова: поэзия; образ; Н. А. Клюев; Н. Ф. Федоров; Вл. С. Соловьев; активное христианство; Апокалипсис; религиозная философия.

1. Введение

Н. А. Клюев — один из самых загадочных поэтов XX века: мистификатор, глубокий знаток русской национальной культуры, утонченный эстет,

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) и в ИМЛИ РАН.

ловко маневрировавший в бурном потоке литературных течений своего времени, он создал свой яркий сложный неповторимый поэтический язык, к образам которого необыкновенно трудно подбирать ключи. Тем не менее в работах исследователей последних лет было предпринято немало удачных попыток убедительной интерпретации. Творческое наследие Клюева анализируют в контексте авторского мифа писателя [Доманский, 2013], с учетом фольклорных [Маркова, 2009], религиозно-философских [Вроон, 1997; Кудряшов, 2014; Семенова, 2004; Серегина, 2015 и 2016] и жанровых особенностей его произведений [Киселева, 2002], а также на фоне социальных и политических катаклизмов XX века [Куняев, 2014; Михайлов, 1997].

Большая работа, проделанная исследователями, позволяет ставить в клюеведении новые сложные вопросы, к числу которых и относится вопрос о диалоге философии и поэзии в творчестве Клюева. Очевидно, что поиск ответов на него должен идти по двум основным направлениям: с одной стороны, это выявление непосредственных источников философского характера, с которыми мог быть знаком писатель, а с другой — это анализ базовых категорий философии на материале творчества Клюева. Не претендуя на полноту решения заявленной проблемы, попробуем наметить общие пути ее решения.

2. Философский контекст творчества Н. А. Клюева: основные источники

Одним из ключевых событий творческой биографии Клюева стала его переписка с А. А. Блоком, которая началась осенью 1907 года по инициативе самого Клюева: «В лице Клюева и Блока друг с другом встречаются как бы “две России”, “народ” и “интеллигенция”, стихия и культура, пропасть между которыми многим казалась непреодолимой» [Азадовский, 2003, с. 6]. Уже первое письмо (начало октября 1907 года) к Блоку раскрывает апокалиптический характер клюевских переживаний этого времени: «И жаждется чуда, прекрасного, как свобода, и грозного, как Страшный Суд… И чудится, что еще миг и сухим песком падет тяготенье веков, счастье не будет загадкой в власть почитанием. Бойцы перевяжут раны и, могучие и прекрасные, в ликующей радости воскликнут: “Отныне нет смерти на земле, нужда не постучится в дверь и сомнение в разум. Кончено тленное пресмыкание, и грядет Жизнь”, жизнь бессмертным и свободным <…>» [Клюев, 2003а, с. 111]. Клюевская апокалиптика формировалась на основании нескольких источников. Прежде всего, это Новый Завет, новозаветные апокрифы, русские духовные стихи о Страшном суде, верования серафимовцев, старообрядцев и хлыстов [Вроон, 1997, с. 56—

58]. Эсхатологические смыслы в художественном сознании Клюева были усилены его общением с голгофскими христианами с 1909 года [Серегина, 2016] и знакомством с идеями русского космиста Н. Ф. Федорова [Семенова, 2004, с. 336—338] о преодолении смерти.

3. Пространство новой истории в художественном сознании Н. А. Клюева

Из приведенного выше отрывка письма к Блоку становится понятно, что уже к началу переписки с поэтом-символистом в художественном сознании Клюева складывается определенная религиозная философия, в центре которой — образ «чуда», окрашенного эсхатологическими переживаниями поэта, его острым ощущением пространства и времени новой истории, когда устойчивые категории бытия («жизни») будут подвергнуты коренному изменению.

Уже в первом сборнике «Сосен перезвон» (1912) проступают очертания этого пространства новой истории, которое доступно внутреннему взору «посвященного» поэта. Из стихотворения «Есть то, чего не видел глаз…»:

Есть то, чего не видел глаз,
Не уловляло вечно ухо:
Цветы лучистей, чем алмаз,
И дали призрачнее пуха.

Недостижимо смерти дно,
И реки жизни быстротечны, —
Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вечно.

Его испив, немеркнущ я,
В полете времени безлетен,
Как моря вал — из бытия
Умчусь певуч и многоцветен [Клюев, 1999, с. 124—125].

Генеалогия образа «далей» восходит к библейскому образу Небесного града, однако в стихотворении метафизическая высота этого образа согрета трогательным, традиционно клюевским сравнением: *И дали призрачнее пуха*. Эти *дали* — пространство вечного бытия, которое поэт сравнивает с морем, оно противопоставлено *рекам жизни быстротечным*.

Для религиозно-философского сознания Клюева очень важна идея преодоления смерти: *Недостижимо смерти дно* [Клюев, 1999, с. 124], которая входит в авторский миф поэта. Из стихотворения «Спят косогор и река…»:

Слышу бесплотную весть —
Голос чарующе властный:
«Был ты и будешь, и есть —
Смерти вовек непричастный» [Клюев, 1999, с. 150].

Эта весть о *непричастности смерти* приходит к поэту ночью, когда весь окружающий мир погружен в сон, почти не отличимый от смерти:

Спят косогор и река
Призраком сизо-туманным.
<…>
Шолом избы, как челнок,
В заводи смерти глядится [Клюев, 1999, с. 150].

В религиозно-философском сознании Клюева очень важна идея его личной причастности к духовному «Материку». Эта причастность достигается через причащение *волшебным вином*. В этом образе прочитывается евангельский смысл: как известно, в Новом Завете учение Христа аллегорически называется «молодым вином». Клюев развертывает перед читателем потаенный мир своей внутренней духовной работы, которую он совершает, *испив вина*. Поэт преодолевает категории традиционного бытия: времени (*В полете времени безлетен*), пространства и формы (*Как моря вал — из бытия // Умчусь певуч и многоцветен*). Это преодоление имеет свое конкретное целеполагание: приближение духовного «Материка» новой истории:

И всем, кого томит тоска,
Любовь и бренные обеты,
Зажгу с высот Материка
Путеводительные светы [Клюев, 1999, с. 125].

Приближая и, по сути, творя новую историю, Клюев ощущает себя соработником Бога. В стихотворении «Я борозду за бороздою…» (сборник «Лесные были») Клюев наполняет традиционный образ земледельческой

культуры — образ пахоты — новым смыслом: трудное соработничество Богу и внутренняя молитва во имя приближения *незакатного, райского дня* [Клюев, 1999, с. 191]:

Я борозду за бороздою
Тяжелым плугом провожу
И полуночною звездою
В овраг молиться ухожу.

Я не кладу земных поклонов
И не сплетаю рук крестом, —
Склонясь над сумрачною елью,
Горю невидимым огнем.

И чем смертельной лютый пламень,
Тем полногласней в вышине
Рыдают ангельские трубы
О незакатном, райском дне.

Но чуть заря, для трудной нови
Я покидаю дымный лог, —
В руках цветок алее крови —
Нездешней радости залог [Клюев, 1999, с. 190—191].

Несомненно, идея соработничества Богу восходит к традиционным христианским представлениям: «Мы соработники у Бога, [а] Вы Божия нива, Божие строение» (1 Кор. 3.9). Однако прочитанная в контексте религиозной философии начала XX века, эта идея обретает дополнительные смыслы. В своем поэтическом опыте Клюев воплощает поиски активного христианства, у истоков которого стоял Н. Ф. Федоров: «Созданный “по образу и подобию Божию” человек, получивший от своего Творца заповедь об обладании землей, призван стать его соработником в деле преображения послегрехопадного, смертного, страдающего бытия в Царствие Божие» [Гачева, 2006, с. 22]. Неслучайно поэт становится хранителем *цветка алее крови — нездешней радости залог* [Клюев, 1999, с. 191]. Алый цветок — это символический образ духовного *невидимого огня*, которым горит поэт, его экстатических переживаний и профетического восторга от того, что он слышит *ангельские трубы*, возвещающие о *незакатном, райском дне*.

4. Идея всеединства в творчестве Клюева

Для Клюева его избранничество заключено еще и в том, что он одновременно причастен миру дольнему и миру горнему: он читает тайные знаки природы и видит в них предвестие новой жизни. Каждая мельчайшая деталь природного мира является органичной и исполненной значения частью всеединства — даже мотылек: *Ангелом стал мотылек // С райскою ветвью в деснице* [Клюев, 1999, с. 150]. Клюевский пейзаж всегда согрет нежностью внутреннего чувства поэта и наполнен трогательными деталями: *Я голоску веснянки-птички, // Как материнской ласке рад* [Клюев, 1999, с. 172]. Клюевская природа — это проявленная в реальном вещественном мире гармония и целокупность мирозданья и его невещественных законов: *И невидимка теплит свечки // В нагих, дымящихся кустах* [Клюев, 1999, с. 172]. Религиозно-философская система представлений Клюева является самобытной вариацией философии всеединства, представленной в работах В. С. Соловьева, где оно понимается как «некоторое единое начало, общее всем вещам, обнимающее собою все действительное и все возможное бытие и превращающее неопределенную множественность вещей и бесконечные ряды явлений в одно определенное, в себя замкнутое и совершенное “все”» [Соловьев, 1990, с. 674]. Соловьев понимал всеединство как «сущую истину», «абсолютное благо» и «абсолютную красоту» [Соловьев, 1990, с. 745]. Та же идея всеединства как абсолютного блага и абсолютной красоты одушевляет лирику Клюева. Соловьев писал: «Так как эта реализация всеединства еще не дана в нашей действительности, в мире человеческом и природном, а только совершается здесь, и притом совершается посредством нас самих, то она является задачею для человечества, и исполнение ее есть искусство» [Соловьев, 1990, с. 745]. Для Клюева мир природы — это тоже всеединство, еще не до конца воплощенное, но угадываемое, читаемое в знаках природы и страстно желаемое. Из стихотворения «Лес»:

Твоих зеленых волн прибой тысячеустный,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон [Клюев, 1999, с. 190—191].

5. Выводы

В лирике Н. А. Клюева идея активного христианства Н. Ф. Федорова и идея всеединства Вл. С. Соловьева нашли оригинальное и яркое воплощение. В центре авторского мифа Клюева в это время — осмысление

себя как соработника Бога, чье поэтическое творчество — это внутренняя духовная работа, окрашенная апокалиптическими предчувствиями наступления новой истории, в котором традиционные категории (время, пространство, смерть) будут преодолены. В мире природы поэт читает тайные знаки, предсказывающие это наступление, одновременно в физическом лике природы он угадывает целокупный образ всеединого мирозданья.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Стихия и культура / К. М. Азадовский // Н. А. Клюев. Письма к Александру Блоку, 1907—1915. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2003. — С. 5—108.

2. *Вроон Д.* Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева / Д. Вроон // Николай Клюев : исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 54—67.

3. *Гачева А. Г.* Ф. М. Достоевский и Н. Ф Федоров. Духовно-творческий диалог : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / А. Г. Грачева. — Москва, 2006. — 38 с.

4. *Доманский В. А.* Многоликая Сибирь Н. Клюева : миф, реальность, судьба / В. А. Доманский // Николай Клюев : образ мира и судьба : научный сборник. — Томск — Санкт-Петербург, 2013. — Вып. 4. — С. 100—112.

5. *Киселева Л. А.* У истоков «большого эпоса» Николая Клюева : «Песни из Заонежья» / Л. А. Киселева // Русская литература. — 2002. — № 2. — С. 41—57.

6. *Клюев Н. А.* Сердце Единорога : стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. — 1072 с.

7. *Клюев Н. А.* Письма к Александру Блоку, 1907—1915 / Н. А. Клюев. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2003. — 368 с. (в тексте статьи — 2003а).

8. *Клюев Н. А.* Словесное древо : проза / Н. А. Клюев. — Санкт-Петербург : Росток, 2003. — 688 с. (в тексте статьи — 2003б).

9. *Кудряшов И. В.* Мотив ожидания грядущего Царства Божия в книге стихов Н. А. Клюева «Сосен перезвон» [Электронный ресурс] / И. В. Кудряшов // Филология и литературоведение. — 2014. — № 11. — Режим доступа : http://philology.snauka.ru/2014/11/969.

10. *Куняев С. С.* Николай Клюев / С. С. Куняев. — Москва : Молодая гвардия, 2014. — 647 с.

11. *Маркова Е. И.* Родословие Николая Клюева : тексты, интерпретации, контексты / Е. И. Маркова. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. — 352 с.

12. *Михайлов А. И.* Отображение трагической истории России и судьбы Клюева в его снах / А. И. Михайлов // Николай Клюев : исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 78—94.

13. Николай Клюев : воспоминания современников / сост. П. Е. Поберезкина. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2010. — 888 с.

14. *Папкова Е. А.* Сибирские писатели и Н. А. Клюев в 1910-е гг. / Е. А. Папкова // Николай Клюев : образ мира и судьба : научный сборник / ред. В. А. Доманский. — Томск — Санкт-Петербург, 2013. — Вып. 4. — С. 7—26.

15. *Пашко О. В.* К истории переводов стихотворений Николая Клюева на украинский язык / О. В. Пашко // Николай Клюев : образ мира и судьба : научный сборник / ред. В. А. Доманский. — Томск — Санкт-Петербург, 2013. — С. 60—74.

16. *Пономарева Т. А.* Проза Николая Клюева 20-х годов / Т. А. Пономарева. — Москва : Прометей, 1999 — 136 с.

17. *Семенова С. Г.* Певец заповеданной Руси (Николай Клюев) / С. Г. Семенова // Метафизика русской литературы : в 2 т. — Москва : ПоРог, 2004. — Т. 1. — С. 323—358.

18. *Серегина С. А.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917—1918) / С. А. Серегина // Мифологические образы в литературе и искусстве / ред. Е. Г. Глухова, М. Ф. Надъярных. — Москва : Индрик, 2015. — С. 262—283.

19. *Серегина С. А.* Н. А. Клюев и голгофское христианство : к истории вопроса / С. А. Серегина // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. — Москва : Индрик, 2016. — 712 с.

20. *Солнцева Н. М.* Николай // Китежский павлин : филологическая проза, документы, факты, версии / Н. М. Солнцева. — Москва : Скифы, 1992. — 423 с.

21. *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. — Москва : Мысль, 1990. — С. 581—756.

22. *Субботин С. И.* Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) : хронологическая канва жизни и творчества / С. И. Субботин. — Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. — 96 с.

N. A. Klyuev's Lyrics: Dialog between Philosophy and Poetry[1]

© Seryogina Svetlana Andreyevna (2017), orcid.org/0000-0002-1695-5464, PhD in Philology, senior research scientist, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), serjogina@mail.ru.

The article discusses two major issues: philosophical context of N. A. Klyuev's lyrics (N. F. Fyodorov's idea of active Christianity and Vl. S. Solovyov's idea of unitotality), and the basic concept of the religious philosophy of Klyuev himself. The material for the study are the poems from two collections: "Sosen perezvon" (1912) and "Lesnaya byl" (1913). The central myth in Klyuev's artistic consciousness of 1910-ies is examined. It is proved that the center of this myth is the poet's self-interpretation as a coworker of God, whose work is the inner spiritual work, coloured by apocalyptic forebodings of the onset of a new

1 The study is financially supported by The Russian Scientific Fund (RSF, project No. 17-18-01432) and Institute of World Literature of the RAS.

history. Special attention is given to how Klyuev rethinks and tries to overcome creatively the traditional philosophical categories of time, space, death. The research urgency is caused by the fact that it is the first attempt to read the Klyuev's poetry through the prism of Vl. S. Solovyov's philosophy of unitotality. It is concluded that the images of nature in Klyuev's lyrics bear the imprint of Solovyov's idea of unitotality as "a closed and perfect "whole."

Key words: poetry; image; N. A. Klyuev, N. F. Fyodorov; Vl. S. Solovyov; active Christianity; Apocalypse; religious philosophy.

References

Azadovskiy, K. M. 2003. Stikhiya i kultura. In: Klyuev, N. A. *Pisma k Aleksandru Bloku, 1907—1915*. Moskva: Progress-Pleyada. (In Russ.).

Domanskiy, V. A. 2013. Mnogolikaya Sibir' N. Klyuyeva: mif, realnost', sudba. In: *Nikolay Klyuyev: obraz mira i sudba: nauchnyy sbornik.* Tomsk — Sankt-Peterburg. 4. (In Russ.).

Gacheva, A. G. 2006. *F. M. Dostoyevskiy i N. F Fedorov. Dukhovno-tvorcheskiy dialog: avtoreferat dissertatsii… kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. 2002. U istokov «bolshogo eposa» Nikolaya Klyuyeva: «Pesni iz Zaonezhya». *Russkaya literatura, 2:* 41—57. (In Russ.).

Klyuyev, N. A. 1999. *Serdtse Edinoroga: stikhotvoreniya i poemy*. Sankt-Peterburg: RKhGI. (In Russ.).

Klyuyev, N. A. 2003. *Pisma k Aleksandru Bloku, 1907—1915*. Moskva: Progress-Pleyada. (In Russ.).

Klyuyev, N. A. 2003. *Slovesnoye drevo: proza*. Sankt-Peterburg: Rostok. (In Russ.).

Kudryashov, I. V. 2014. Motiv ozhidaniya gryadushchego Tsarstva Bozhiya v knige stikhov N. A. Klyuyeva «Sosen perezvon». *Filologiya i literaturovedeniye, 11*. Available at: http://philology.snauka.ru/2014/11/969. (In Russ.).

Kunyayev, S. S. 2014. *Nikolay Klyuyev*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).

Markova, E. I. 2009. *Rodosloviye Nikolaya Klyuyeva: teksty, interpretatsii, konteksty.* Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. (In Russ.).

Mikhaylov, A. I. 1997. Otobrazheniye tragicheskoy istorii Rossii i sudby Klyuyeva v yego snakh. In: *Nikolay Klyuyev: issledovaniya i materialy*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).

Papkova, E. A. 2013. Sibirskiye pisateli i N. A. Klyuyev v 1910-e gg. In: Domanskiy, V. A. (ed.). *Nikolay Klyuyev: obraz mira i sudba: nauchnyy sbornik*. Tomsk — Sankt-Peterburg. 4. (In Russ.).

Pashko, O. V. 2013. K istorii perevodov stikhotvoreniy Nikolaya Klyuyeva na ukrainskiy yazyk. In: Domanskiy, V. A. (ed.). *Nikolay Klyuyev: obraz mira i sudba: nauchnyy sbornik*. Tomsk — Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Poberezkina, P. E. (ed.). 2010. *Nikolay Klyuyev: vospominaniya sovremennikov*. Moskva: Progress-Pleyada. (In Russ.).

Ponomareva, T. A. 1999. *Proza Nikolaya Klyuyeva 20-kh godov*. Moskva: Prometey. (In Russ.).

Semenova, S. G. 2004. Pevets zapovedannoy Rusi (Nikolay Klyuyev). In: *Metafizika russkoy literatury, 2/1*. Moskva: PoRog. (In Russ.).

Seryogina, S. A. 2015. Obraz raspyatiya v proizvedeniyakh Andreya Belogo, Nikolaya Klyuyeva i Sergeya Esenina (1917—1918). In: Glukhova, E. G., Nadyarnykh, M. F. (eds.). *Mifologicheskiye obrazy v literature i iskusstve*. Moskva: Indrik. (In Russ.).

Seryogina, S. A. 2016. N. A. Klyuyev i golgofskoye khristianstvo: k istorii voprosa. In: Bogdanova, O. A., Gacheva, A. G. (eds.). *Utopiya i eskhatologiya v kulture russkogo modernizma.* Moskva: Indrik. (In Russ.).

Solntseva, N. M. 1992. Nikolay. In: *Kitezhskiy pavlin: filologicheskaya proza, dokumenty, fakty, versii*. Moskva: Skify. (In Russ.).

Solovyov, V. S. 1990. Kritika otvlechennykh nachal. In: *Sochineniya. 2*. Moskva: Mysl. (In Russ.).

Subbotin, S. I. 2009. *Nikolay Alekseevich Klyuyev (1884—1937): khronologicheskaya kanva zhizni i tvorchestva.* Tomsk: TML-Press. (In Russ.).

Vroon, D. 1997. Staroobryadchestvo, sektantstvo i «sakralnaya rech» v poezii Nikolaya Klyueva. In: *Nikolay Klyuyev: issledovaniya i materialy*. Moskva: Nasledi-ye, 1997. (In Russ.).